

Очерки наших дней

Сестры Федоровы

А. МЕДВЕДЕВ

В переполненном клубе воинской части шел концерт. Выступали ленинградские артисты. Ведущий только что объявил номер и ушел за занавес.

— Потапов! — зашептал он молодому солдату, стоявшему у рубильника. — Включай!

Занавес раздвинулся. Из-за боковых кулис на сцену, улыбаясь, вышли четыре девушки в цветных сарафанах, в платочках. Они стали рядом, сложили на груди руки и низко, в пояс, поклонились публике. Их простые, открытые лица — весь их облик сразу расположил к себе сидевших в зале. Стало тихо.

— Кто это? — шопотом спросил Потапов у артиста со скрипкой, только что игравшего на сцене.

— Сестры Федоровы, — ответил скрипач.

Девушка, стоявшая с краю, вздохнула и, чуть подавшись вперед, негромко пропела:

Со-он, мой сон...

Голос ее прозвучал робко, неуверенно, точно пробуя — слышно ли? И вот, в лад первой певице, негромко, но удивительно чисто, вступили остальные:

Счастливый сон,
Воротися, сон, назад...

— Ой, да мне приснилось... — не спела, а проговорила нараспев первая, своим протяжным «ой-ой» сообщив всей фразе оттенок глубокой грусти. И снова, поддерживая ее, согласно вступили подруги:

Будто с милой,
Будто с милой я в саду.

— Ой, да будто с милой... — бережно подхватывал голос, а вслед за ним другие вторили еще ласковей и задушевней:

Я в саду
Под черемухой сижу.

Песня воодушевляла девушек. Чуть заметно покачиваясь в такт музыке, глядя поверх публики куда-то вдаль, они словно видели все, о чем пели, переживали песню искренне и горячо.

Ой, да взял ее,
Взял за белы руки.
Я хотел ее поцеловать —

звучало громче и радостней.

Забыв обо всем, Потапов слушал сестер. Потапов любил музыку. Он был лучшим запевалой в роте, хорошо играл на баяне, но никогда еще не испытывал такого радостного чувства, как теперь. Давно знакомая песня по-новому трогала и волновала его. Чистые молодые голоса глубоко западали в сердце. Он стоял в напряженной, неловкой позе, крепко сжимая в руках край занавеса. «Что это? — думал он. — Откуда такая красота? Ведь я слушал эту песню не раз...»

— Сон, мой сон... — вновь негромко заводила девушка, и эхом отзывались другие голоса: «Счастливый сон, воротися...» Этот трепетный зов настойчиво повторялся еще дважды и замер на словах: «сон назад...» Улетел, растаял звук, на котором сошлись вместе голоса. С минуту зале было тихо, а потом, словно спохватившись, все шумно захлопали.

* * *

— Вы, наверно, тоже будете писать, что мама нас позвала однажды и петь научила, — сказала старшая из сестер. Катя, как только мы познакомились. — Всегда так пишут, — продолжала она, улыбаясь. Невысокая, стройная, с тонкими нежными руками, она говорила плавно и неторопливо.

— Вовочка, — обернулась она к баянисту Володе Яковлеву, — газеты у нас не сохранились товарищу поглядеть?

— Разве ваша мать не пела? — спросил я.

— Что вы! Сейчас еще запоем, да папа подтянет — заслушаешься... Но я ведь не о том говорю. Конечно, мама наша пела, а мы девчонками слушали и так полюбили русскую песню, красоту ее поняли. Но только ничего удивительного здесь нет. Не в одной ведь нашей семье это было?.. Нет, — неожиданно заключила Катя, — писать о нас нечего. Мы не хор Пятницкого и не Воронежский. Да и не сделано еще ничего, чтоб писать... А вот о ком нужно написать, так это о Леониде Иннокентьевиче.

— Кто это?

— Наш руководитель. Знаете, он так много сделал для нас, и хоть бы кто сказал об этом. Ой, да мы опаздываем... Сегодня у нас еще выступление.

Мы пришли в артистическую за полчаса до концерта. Три другие сестры были уже здесь. Стали знакомиться.

— Настя, — подала руку высокая, статная девушка, улыбнулась, но потом вдруг сделала строгое лицо и отошла.

Быстрая, подвижная Нинель задорно тряхнула головой:

— Вы песни будете записывать? Тогда запишите «Ничто в полюшке». Эту песню мы по-особому любим. Первая наша работа. Мы ее еще в самодеятельности пели, с нее начали.

Она говорила весело и громко, переходя по комнате от зеркала к вешалке, искала что-то.

Задумчивая, молчаливая Нина сидела у зеркала, разложив перед собою грим.

— Ох, — вздохнула она, — надоела мне эта краска — сил моих нет!

— На то ты и артистка, — назидательным голосом разъяснила Настя.

— Как хотите, — озабоченно сказала Катя, — а только мы ударение в припевах неверное делаем.

— Это где же?

— Мы поем: «про меня пес-ни», а нужно «пé-сни».

— По напеву ведь так приходится, — возразила Нина.

— А ты забыла, что нам Твардовский говорил? Забыла?.. Вспомни, как он «Отдавали молодцу» хвалил. Вы, говорит, правильно поете «во чужую сé-е-мью», а вовсе не обязательно «семью»... Ударять слог можно по-разному.

Тут зазвонил звонок над дверью и все заторопились.

...В антракте в артистической толпился народ.

— Вот, говорила я, что эту песню с вивом петь надо! — радостно улыбалась Настя. — Видите, получилась песня... Все искали, искали...

Они говорили о песне «Ой, детинка молодой».

— Вам «Душа Саша» нравится? И нам тоже... нравится. Редкая песня... Знаете, сколько мы над ней работали? О-о! А какое чувство в ней богатое... Эта песня по-своему красива, от всех на отличку.

Удивительно интересно говорили сестры о песнях. В каждой находили свой характер.

— Эта песня капризная, ломкая, сразу себя не показывает. Ходы широкие, на голос не вдруг ложатся.

— Лукавая, с характером, озорства много...

— Эта, как озеро. Глубокое, чистое, дна видно. Дыханье нужно долгое, чтоб душе просторно было. Петь строго, каждое слово ласкать.

Так же образно и красиво говорила их мать, Дарья Яковлевна Федорова.

Разговор с ней произошел в просторной квартире Федоровых, залитой ярким светом весеннего солнца. В соседней комнате занимались сестры — разучивали песню. Слышно было, как они пели порознь, потом по двое. Володя подыгрывал мелодию на рояле.

Дарья Яковлевна — женщина лет за 50, с добрым лицом, прислушалась к голосам за дверью.

— Поют, — ласково улыбнулась она. — А ведь шло к этому, шло!..

Их родина — Псковщина, где самый воздух, кажется, пропитан песнями.

Неторопливо, задумчиво рассказывает Дарья Яковлевна о своей жизни, о селе Старый Борок, что стоит на холме и «оттуда пол-России видно». Она вспоминает

о талантливых народных певцах и певицах, которых в деревне душевно чтили, глубоко уважали. Такими мастерицами пения были и бабушка ее, и мать.

— Матушка тоже этим не обижена была. Голос у нее был гладкий, хоть и высокий, пела ровно, плавно, как ручей бежит.

Много песен пели, и все разные, — продолжает она. — В праздник одни, в хороводах другие, на свадьбах опять свое, горюшко на сердце — и песня о том же печалится... А то еще были качельные песни, на качелях их пели. Недавно одну песню, на качелях мои стали петь, да как-то иначе. Не получалось у них: дыхания мало брали. Сказала им про качели — сразу ключ нашли, вышла песня.

В Ленинграде, куда переехала семья Федоровых, отец, Иван Федорович, работал кочегаром на заводе имени Степана Разина, а Дарья Яковлевна — револьверщицей на заводе имени Андре Марти. В этой простой рабочей семье любили песню. Пели мать, отец, сестра матери. Девочки — молчаливые, притихшие — слушали, а потом, играя с куклами, сами тихонько напевали те же песни.

— Сижу как-то летом у окна, — рассказывала Дарья Яковлевна, — во дворе ребята играют, шумят. Только слышу, словно мои девочки поют, поверху их голоса так и вьются. Поглядела — они. Батюшки! И когда только научились!..

Но музыкальные впечатления сестер — это не только песни матери. Вокруг них звучал огромный, радостный мир. Музыка звучала в парках и кино, по радио, на пластинках. Какая радость была в семье, когда отец принес домой долгожданный подарок — патефон! Стали покупать пластинки. Хор Пятницкого заводили так часто, что пластинка стала хрипеть. Не беда — девочки могли спеть эту песню «не хуже хора — вот!»

Как-то Настя удивила всех, спела совершенно точно арию Царевны Лебеди из «Салтана», которую она слышала по радио. А Нине нравился романс Антонины из «Сусанина», она заводила эту пластинку без конца, пока не выучила, и любила петь, изменив только вводный тон, который ей никак не давался.

Началась война. Федоровы остались в Ленинграде. В эти тяжелые для Родины дни девушки стали работать на заводе. Они прожили в Ленинграде самые суро-

вые дни блокады. В 1942 году их эвакуировали в Свердловск. Здесь-то впервые сестры пришли в самодеятельность, попробовали петь вместе. На заводском смотре решено было отправить сестер на олимпиаду самодеятельности в Москву, но в это время вся семья возвратилась в свой родной Ленинград.

Был 1944 год. Девушки опять работали на Кировском заводе. Катя — счетным работником, Нина — подсобницей, Нина — в столовой завода, Настя — ученицей в швейной артели. Катя первой стала посещать хоровой кружок при клубе имени Газа. Руководитель отметил ее. Катя сказала, что дома она поет вместе с сестрами и получается лучше. «Приходите вместе», — сказал руководитель. Сестры пришли, спели и с тех пор стали регулярно заниматься в клубе.

Однажды кто-то предложил: «Давайте напишем в хор Пятницкого, чтобы прислали нам свои песни, все, какие есть». Отец посомневался: «До вас ли?..» — «А вот напишем!» И написали. Вскоре пришло письмо, а вместе с ним и сборник песен, исполняемых хором. До сих пор бережно хранят сестры этот дорогой подарок.

Федоровы вышли из недр самодеятельности. Факт огромный! Значимости не только потому, что там они впервые вышли на сцену перед публикой и спели, но и потому, что там окружала их живая, пытливая атмосфера дружбы, горячей любви к искусству, жадное его познание и первая радость творчества в коллективе.

Сестер Федоровых выдвинули сначала на районный смотр, потом на городской и наконец их направили на Всесоюзный смотр в Москву. Перед самым отъездом Настя заболела. Долгожданная поездка в Москву была так близка, и вдруг такое несчастье! Девушки были в отчаянии. Выручила самая младшая Федорова — первоклассница Галя. Конечно, она знает все песни, что поют ее старшие сестры. Конечно, она мечтает поехать в Москву, конечно, она будет слушаться и выполнять все, все, все...

В таком необычном составе сестры приехали в Москву. Когда они вышли на сцену, то увидели в зале длинный стол, а за столом в середине хмурого мужчину, который все время морщился, словно у него болели зубы.

— Кто это? — громко спросил он. — Чт



Сестры Федоровы

за детские ясли Ленинград прислал? «Ясли» удивили всех: сестры Федоровы были отмечены на смотре и получили дипломы.

В музыкальном отделе Ленинградской эстрады работала в то время музыковед Н. Котикова. Она заинтересовалась сестрами, встретила с ними. Чутьем фольклориста, хорошо знающего русскую песню, она угадала в Федоровых коренное свойство народных певцов — свободное распевание, активное творческое начало в процессе исполнения. Она угадала в них настоящих художников-творцов. Исполнение той или иной песни было для сестер творческим актом, в котором не было места шаблонным, раз навсегда заученным приемам. Казалось, что песня рождается сейчас, вот в эту минуту. Котикова внимательно присматривалась к сестрам. Девушки они были настойчивые, пытливые. Они не могли не чувствовать, что возможности пения вчетвером далеко не использованы. Они искали новые средства, желая сделать песню ярче, богаче.

Обычно они пели в основном двухголосно, изредка пробуя петь на три голоса. Как-то раз попробовали задержать в конце песни низкий голос, в то время как у остальных голосов было ясно выраженное движение, — так родился красивый выдержанный звук, часто употребляемый сестрами.

— Все дело в подголосках, — решили они. — Надо сделать их смелее, свободнее. Стали оживлять средние голоса, задерживать верхний, меньше делать удвоения голосов. Медленно, ощупью искали они пути к раскрытию богатств песни. Им было порой трудно, очень трудно. При всей их талантливости, музыкальной одаренности, им все-таки не хватало знаний. Однажды, исполняя на сцене песню «Ничто в полюшке», они нашли новую разработку, новый узор голосов. Как сестры радовались! Но на следующий день, как ни старались, не могли вспомнить эту счастливую находку. Девушки ходили молчаливые, угрюмые... А мысли о новом не давали им покоя.

В это время как раз произошла встреча сестер с Леонидом Иннокентьевичем Шимковым, их нынешним художественным руководителем. Окончив в свое время Ленинградскую консерваторию по классу пения у А. Боссе, Шимков принес Федоровым свой опыт вокалиста, свой

вкус и мастерство в обработках песен, свое знание песни, русского подголосочного склада. Он направил их поиски по верному пути, помог закрепить все то новое, что уже найдено было самими сестрами. Занятия дали прекрасные результаты. Федоровым предложили работать в эстраде. Это было в 1948 году. Коллектив начал свою новую жизнь.

* * *

Федоровы много ездят по стране, выступают в концертах и по радио. Их творчество завоевало признание слушателей. Сестры выезжали в зарубежные страны: в Венгрию, Чехословакию, Австрию, Финляндию. На фестивале демократической молодежи в Будапеште они получили звание лауреатов.

Повсюду за рубежом сестры Федоровы встречали горячий прием. Во время этих поездок в девушках крепло сознание той огромной ответственности, которая лежала на них, как на посланцах советского народа.

* * *

Что же привнесли Федоровы в русскую песню? В первую очередь здесь нужно говорить о новой, своеобразной манере их многоголосного пения.

«Двухголосие в хоровых записях преобладает, остальное — эпизодично», — писал Кастаньский. И еще: «Мы не найдем песни с самостоятельным трехголосием от начала до конца. Оно, как и четырехголосие, встречается только местами».

То, что применительно к русской народной песне фольклористы называют «реальным двухголосием», стало у Федоровых «реальным трех-четыrehголосием». Как это произошло?

Подголосочный характер пения — это свободное движение голосов, отвечающих от основного, главного. У Федоровых подголоски стали смелее, самостоятельнее и обнаружили свойство создавать богатые гармонические сочетания. В исполнении Федоровых средние и низкие голоса не нивелируются, каждый голос отличается мелодической определенностью, характерностью. При всем этом сохраняется своеобразный стиль подголосочного пения, где «голоса двигаются не в зависимости от сочетания созвучий (как в аккордовом изложении), а, напротив, сами созвучия появляются в результате

одновременных ходов (попевок) в отдельных голосах» (Кастальский).

Гармоническое обогащение песни у сестер Федоровых — не случайная находка. Это явление, нам кажется, связано с другими, более значительными. Мощный рост музыкальной культуры советского народа проявляется многообразно: и в расширении тематики, репертуара современного песенного творчества, и в обогащении выразительных средств, и в развитии художественных запросов и вкусов широких масс, и в более активном проявлении их музыкальных способностей. И несомненно, гармоническое чутье современного рядового слушателя развито больше, нежели у его слушателя, скажем, 20-х — 30-х годов. Его музыкальный слух более чуток к гармонии, воспринимает ее глубже и острее.

То, что найдено Федоровыми, является, на наш взгляд, живым и характерным признаком глубоких процессов творческого обогащения в народном песенном искусстве.

Вот несколько примеров, характеризующих стиль пения сестер Федоровых.

1. Кукует кукушечка

Медленно
соло

Ку-ку-ет ку-ку - шеч-ка во тем-ном (и) ве-ле-су го-рю. ет мо-я де-в-ча но-чка по-ми-ло-му по-друж-ку.

Сплошного четырехголосия здесь, как видим, нет — голоса идут и двух- и трехголосно, трижды сходясь в середине песни в унисон. Вместе с тем богато выявлена гармония песни. Задержание верхнего голоса умело используется для оживления нижних и средних голосов.

2. Я вчорося

Протяжно
1 куплет

Я ве-чо-ро-ся (да) глу-по-сь (да) ла-ла, (да) (да) сво-е-го я дру-жка да ра-а-про-гне-ся ла-ла.

2 куплет

сво-е-го я дру-жка да ра-а-про-гне-ся ла-ла.

3 куплет

сво-е-го я дру-жка да ра-а-про-гне-ся ла-ла.

Песня в основном изложена трехголосно. Очень выразительное четырехголосие появляется в кадансовых «точках». Когда исполнительницы своими чистыми, совершенно сливающимися по тембру голосами берут терцквартаккорд или септаккорд (в конце второго куплета) и как бы останавливаются, «замирают» на нем — это звучит неповторимо красиво. Отметим, что сестры Федоровы поют в тесном расположении, редко превышая интервал октавы. Это создает особую «плотность» звучания, и понятно, что роль гармонии выступает здесь сильнее.

3. Псковские лирические припевки¹

умеренно

Эх, два зна-ко-мы-е кры-леч-ка в па-мя-ти о-с-та-ли-ся.

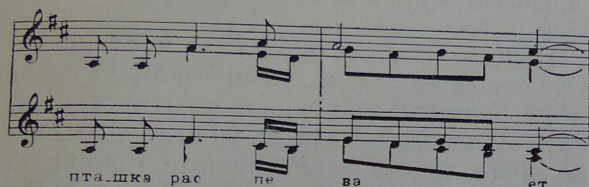
¹ Песню эту, одну из лучших у Федоровых, вместе с несколькими другими ввел С. Герасимов в фильм «Сельский врач».



Песня эта запоминается сразу, ложится на сердце, как меткая пословица или поговорка. Внешне простая, она вся словно светится изнутри каким-то лукавым, смешливым чувством. Эта лукавость проглядывает в любой детали: в типичной для частушек и припевок броской, яркой интонации, в частых повторах, даже в игре тональностей E и cis. В простых и мягких гармониях слышится что-то очень кокетливое, русское.

Два знакомые крылечка
В памяти остались:
На одном крыльце влюблялись,
На другом расстались.

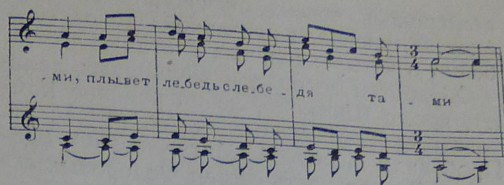
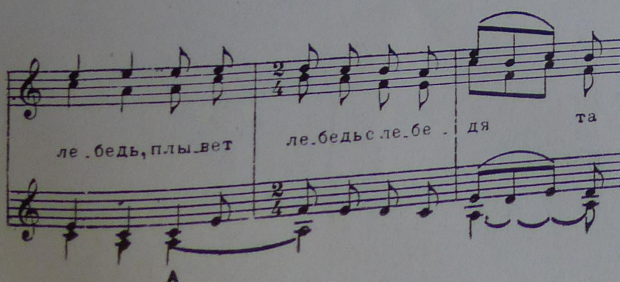
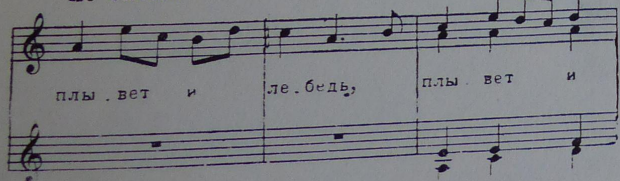
4. Во зеленой роще



Характерный пример постепенного разрастания голосов.

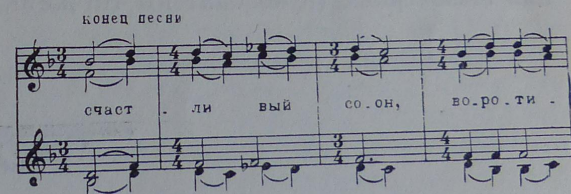
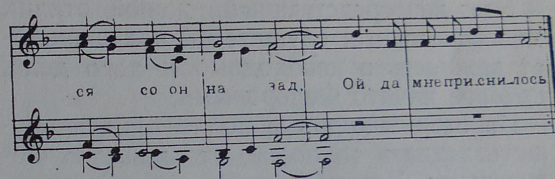
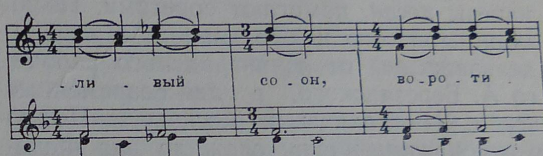
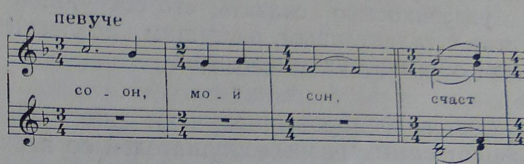
5. Как по морю

Не спеша



Пример часто встречающегося у Федоровых органного пункта. Вообще выдержанные звуки в различных голосах характерны для русской песни. В кантате интересно обыгрывание «русских» ступеней 3—6—3—7.

6. Сон, мой сон



Все в этой песне просто, законченно и красиво. Ритм, свободный от квадратности, дает песне широкое дыхание. На-

пев спокоен, ровен, он изящно «покачивается», ниспадая на слабой доле (особенно в четырехдольных тактах).

Обработки песен для Федоровых делают, кроме Шимкова, ленинградские композиторы В. Маклаков и А. Михайлов. Пробовали писать М. Матвеев и Ю. Щокотов. Деятельность сестер Федоровых открывает новые интересные возможности для творчества композиторов.

Федоровы испытывают нужду в современном репертуаре. Им нужно много песен самого различного характера. Хочется, чтобы композиторы поближе узнали этот самобытный ансамбль, заинтересовались им, начали писать для него. Можно с уверенностью сказать, что сотрудничество с талантливым, растущим коллективом обогатит их творчество.

* * *

Сестры Федоровы получают много писем от самых разных слушателей со всех концов страны. Им присылают тексты и напевы песен, помогают советами. Песни «Сон, мой сон» и «При народе в хороводе» записаны от ленинградского рабочего А. Березанского, а две современные песни, «Из столицы, из Москвы» и «Песню о лесонасаждениях», сложила для Федоровых молодая ленинградская работница.

Этот непосредственный, живой отклик многочисленных слушателей подтверждает важность и необходимость того дела, которое начато Федоровыми.

Некоторые хоровые коллективы пробуют осваивать то новое, что найдено Федоровыми. Хор работников промкооперации Ленинграда (руководит им тот же Л.

Шимков) успешно работает в этом направлении.

Рассказать о своем творческом пути просят сестер многие. Пишет девушка, работница связи из Ярославля: «Дорогие мои, всегда с большим воодушевлением слушаю ваши выступления по радио. Я тоже большой любитель народной песни и участвую в художественной самодеятельности. Мне интересно, где вы учились или же учитесь сейчас в какой-либо школе?»

Старый колхозник Аким Иванович Родионов из села Песчанокосского Ростовской области ласково обращается к девушкам: «Благодарю вас, соловушки мои северные, за исполнение песни «Снежки белые». Мне 94 года, и это моя любимая песня. Когда я услышал ее, я имел просто радость у себя на душе, и теперь вам, дочкам, детям, я шлю искреннюю благодарность и прошу, если можно, спойте ее еще раз...»

Пришло письмо от солдат и офицеров Советской Армии: «...спасибо вам за ваши песни, которые мы с радостью прослушали». В конверт была вложена еще небольшая записка. «Разрешите приписать и от себя, — прочла вслух Настя. — Вы меня не знаете, но я вас, между прочим, очень хорошо помню. Слышал я вас, когда вы выступали у нас в части, я стоял у занавеса и все слышал. Так мне было хорошо, что сказать не могу, только запомнил я обо всем этом на всю жизнь. Желаю вам успехов, дорогие сестры.

Писал Потапов Иван Максимович, гвардии рядовой».

